

III. Страницы новейшей истории

Игорь Баринов

Украина в германо-турецких стратегических планах против России, 1914–1918 гг.

Начало XX века ознаменовалось усилением напряжения в отношениях между Германией и Россией. Переориентация России на Великобританию и Францию, а также ее экономический подъем серьезно беспокоили германские правящие круги. Как отмечает немецкий историк Клаус Ремер, в это время финансовые элиты Германии разделились на две группы: первая выступала за прямые аннексии в Европе за счет союза с Великобританией против России, вторая – за расширение колониальной экспансии Германии и борьбу против англичан. Тем не менее, обе группы были едины в отношении идеи создания в Европе немецкой финансовой гегемонии, на пути которой, по их мнению, стояла Россия¹. Ввиду сложившейся политической конъюнктуры пространство для маневра с целью восстановления баланса между Россией, Великобританией и Германией было очень ограниченным. В ответ на русско-английскую конвенцию 1907 г. о разделе сфер влияния в Передней и Центральной Азии Германия безоговорочно поддержала австрийское продвижение на Балканах и активно наращивала военно-экономическое сотрудничество с Турцией².

Роль Турции в стратегическом соперничестве великих держав

Нужно отметить, что Османская империя, к тому времени уже не представлявшая собой значительного политического игрока, но занимавшая важное геостратегическое положение, находясь на стыке трех частей света и являясь, таким образом, «естественным, географически обусловленным противовесом Англии»³, привлекала особое внимание германского имперского правительства. По словам ведущего немецкого консервативного публициста рубежа веков Пауля Рорбаха,

---

¹ Remer C. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen: Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt am Main, 1997. P. 59f.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1280к. Оп. 2. Д. 30. Л. 47.

³ Junge R. Über Wirtschaftsgrundlagen und Wirtschaftspolitik der Türkei // Das Türkische Reich. Berlin, 1918. P. 2.

Турция, на которую обращал свой взор еще Бисмарк, являлась наиболее близким и удобным азиатским плацдармом, на который могла опереться Германия в своей политике против колониальных держав⁴. По замыслу германских элит, подогревавшемуся консервативной публицистикой, установление экономико-политического влияния Германии в Малой Азии и на Ближнем Востоке должно было обеспечить ей не только выход к Персидскому заливу и создание плацдарма на границе с Британской Индией⁵, но и заручиться турецкой поддержкой собственных интересов «во всех точках земного шара»⁶.

Вместе с тем, с определенного момента Германию начало беспокоить потенциальное проникновение в средиземноморское пространство России. Пересечение русско-германских интересов на Ближнем и Среднем Востоке неминуемо вело к столкновению этих двух стран, что приковало внимание Германии к Черному морю и его проливам, которые, по мнению немецких экспертов, к тому моменту стали главной внешнеэкономической артерией России, для которой «Константинополь перешел из духовной в экономическую плоскость»⁷. Как отмечал Рудольф Челлен, один из новаторов геополитики и видный политолог того времени, Россия переключилась на черноморские проливы после неудачной, пресеченной Великобританией попытки закрепиться на Персидском заливе, ввиду чего оттеснение России, захватнические планы которой «просматриваются с самого раннего периода ее истории», от морей являлось «категорическим императивом» германской внешней политики⁸. Немецкий публицист Вильгельм Вела, напротив, считал, что Россия после разгрома на Дальнем Востоке в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. переключилась на Ближний Восток, где уже вовсе оперировала Германия, что, в свою очередь, не могло не стать причиной конфронтации двух сил в этом регионе⁹. По мнению Рорбаха, поиск компромисса в сложившейся ситуации был иллюзорен, и внимание от нее не могла отвлечь даже поддерживаемая Германией в противовес России политика Австро-Венгрии на Балканах¹⁰. В этой связи в трехсторонних германо-англо-русских отношениях Турция выдвинулась на первый план.

По словам немецкого историка Бернда Шульте, Константинополь в начале XX в. превратился в «горячую точку европейской политики», по сути, ту арену, на которой любое изменение позиций Германии влияло бы на баланс сил между ве-

---

⁴ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart, 1921. P. 210f.

⁵ Krause P.R. Die Türkei. Leipzig, 1916. P. 96–98.

⁶ Junge. Über Wirtschaftsgrundlagen und Wirtschaftspolitik der Türkei. P. 2.

⁷ Schmidt A. Das Endziel Russlands. Stuttgart, 1916. P. 51f., 66. Этот вопрос поднимался германскими экспертами еще раньше, см. Wachs O. Der Kampf um Konstantinopel. Leipzig, 1888. P. 5f.

⁸ Kjellén R. Die politischen Probleme des Weltkrieges. Leipzig, Berlin, 1918. P. 10f., 13.

⁹ Vela W.T. Die Zukunft der Türkei im Bündnis mit Deutschland. Eine politische und wirtschaftliche Studie. Leipzig, 1915. P. 25.

¹⁰ Rohrbach. Deutschland unter den Weltvölkern. P. 211.

ликими державами¹¹. В этой связи Германия открыто выражала дружественные намерения по отношению к Турции¹², отмечая обвинения в милитаризме и неоднократно подчеркивая, что у нее «и в мыслях не было сделать Константинополь немецким»¹³, а вся ее деятельность была направлена лишь на организацию взаимовыгодных германо-турецких контактов, в отличие от сосредоточившихся на разделе будущего турецкого наследства других европейских стран, и России, всегда проводившей в ущерб Турции экспансию на Кавказе¹⁴. В действительности же Германия проводила в Турции обширную экономическую экспансию, в частности, увеличивая свою долю в турецких государственных бумагах и развивая сотрудничество в разных областях – выращивание хлопка, электрификация, логистика, дорожное строительство¹⁵. Последний пункт представлялся Германии особенно важным. Наиболее грандиозным проектом этого времени считается железная дорога Берлин-Константинополь-Багдад, которую планировалось протянуть до самого Персидского залива. Впоследствии в этой связи озвучивались и более масштабные проекты, такие как железная дорога Гамбург-Басра¹⁶. На этом фоне рос положительный торговый баланс Германии от товарооборота с Турцией: если в 1900 г. он составлял 4 млн марок, то уже к 1913 г. он возрос до 24 млн марок, т.е. в 6 раз¹⁷. Речь заходила даже об индустриализации Турции по германскому образцу¹⁸.

Кроме того, ввиду осознания германскими военными плохого состояния турецкой армии, в Турцию в 1913 г. была отправлена военная миссия генерала Отто Лимана фон Сандерса, что, по мнению немецких историков, без сомнения было одним из «явлений повышенной активности германской восточной политики»¹⁹ и вызывало, по сообщениям австрийского военного атташе в Константинополе Йозефа фон Помянковского, активный протест России, видевшей в деятельности миссии прямую угрозу статусу кво черноморских проливов²⁰, без которых, как полагали в Германии, она в одночасье лишилась бы положения мировой державы²¹.

---

¹¹ Schulte B.F. Vor dem Kriegsausbruch 1914: Deutschland, die Türkei und der Balkan. Düsseldorf, 1980. P. 6.

¹² Emin A. Die Türkei. Gotha, 1918. P. 38f.

¹³ Krause. Die Türkei. P. 97; Schmidt. Das Endziel Russlands. P. 3.

¹⁴ Zabel R. Im Kampfe um Konstantinopel und die wirtschaftliche Lage der Türkei während des Weltkrieges auf Gallipoli, an den Dardanellen, in Anatolien, Kleinasien und Mesopotamien, in der Levante. Leipzig, 1916. P. 18f.

¹⁵ Wiedenfeld K. Die deutsch-türkischen Wirtschaftsbeziehungen und ihre Entwicklungsmöglichkeiten. München, 1915. P. 12.

¹⁶ Grothe H. Deutschland, die Türkei und der Islam / Zwischen Krieg und Frieden. Leipzig, 1914. P. 43.

¹⁷ Wiedenfeld. Die deutsch-türkischen Wirtschaftsbeziehungen ... . P. 19, 24, 29.

¹⁸ Die Türkei und Bulgarien als Absatzgebiete der deutschen Industrie. Berlin, 1916. P. 6.

¹⁹ Schulte. Vor dem Kriegsausbruch 1914... . P. 6, 39.

²⁰ РГВА. Ф. 1280к. Оп. 2. Д. 31. Л. 58.

²¹ Becker C.H. Deutschland und der Islam // Der deutsche Krieg. Heft 3. Stuttgart, Berlin, 1914. P. 7.

Вместе с тем, Германия преследовала в Турции и вполне конкретные политические цели. Как сообщал в Вену в декабре 1913 г. посол Австро-Венгрии в Константинополе Янош фон Паллавичини, Германия была заинтересована в создании на территории Турции гомогенного мусульманского тюркского государства и не выступала против сепаратизма нетурецких провинций империи, стремясь превратить Турцию в германский протекторат по образцу британского в Египте²². В этой связи, в силу противодействия Великобритании и России, Германия стремилась фактически поставить Турцию в зависимость от себя. Ситуация для Германии осложнялась тем, что доминирующим экономическим контрагентом для Турции продолжала оставаться Великобритания. Так, по данным генерального консула России в Константинополе П.Е. Понафидина, в 1905–1906 гг. Великобритания опережала Россию по количеству вошедших в турецкие порты судов в 3, а по их тоннажу – в 4,5 раза, Германию – соответственно в 8 и 7 раз²³.

Таблица 1. Ввоз продукции в турецкие порты в 1911 г., тыс. тонн²⁴

Страна	Константинополь	Измир	Трапезунд
Великобритания	8 487	468	10
Россия	670	379	153
Франция	193	312	248
Австро-Венгрия	1 570	178	185
Германия	768	240	60

Как видно из таблицы, у Германии нигде нет явного преобладания во ввозе товаров на территорию Турции: в Константинополе и Измире она явно уступает Великобритании – преобладание германского ввоза над британским наблюдается только в Трапезунде, видимо, по причине неудобного географического расположения порта для британских судов. Русский ввоз превышает германский в Измире и Трапезунде и ненамного уступает ему в Константинополе. В большинстве случаев превалирует над германским французский и австрийский ввоз товаров. Суммарно сегмент германского импорта в Турцию в годовом исчислении (1 068 тыс. тонн) оказывается на предпоследнем месте, опережая лишь Францию, которая, тем не менее, являлась главным кредитором Турции (57% внешнего долга)²⁵. Вместе с тем, любопытная ситуация возникает и в денежном выражении турецкого товарообмена с Европой:

²² РГВА. Ф. 1280к. Оп. 2. Д. 30. Л. 46-48.

²³ Понафидин П. Обзор русской торговли в Турции и причины ее слабого развития. Константинополь, 1910. С. 27.

²⁴ Wiedenfeld K. Die deutsch-türkischen Wirtschaftsbeziehungen und ihre Entwicklungsmöglichkeiten. München, 1915.

²⁵ Schäfer C.A. Deutsch-türkische Freundschaft // Der deutsche Krieg. Heft 13. Stuttgart, Berlin, 1914. P. 12.

Таблица 2. Торговый оборот Турции и европейских стран в 1911 г., тыс. турецких лир²⁶

Страна	Импорт	В %	Экспорт	В %
Великобритания	9 945,9	21	5 977	24,19
Австро-Венгрия	6 838,1	15,19	3 466	14
Германия	5 162,7	11,48	1 514,5	6,13
Франция	3 939,1	8,76	4 683,6	18,95
Россия	3 640,7	6,76	949,3	3,85

Великобритания занимает значительный сегмент турецкого экспорта (без малого его четверть) и держит лидирующие позиции в импорте. Турецкий экспорт в ближайшую союзницу Германии, Австро-Венгрию, превышает аналогичный показатель по Германии в 2,2 раза. Позиции же России, несмотря на указанный в предыдущей таблице выигрыш по тоннажу, в денежном исчислении оказываются на последнем месте и уступают Германии по импорту в 1,75, по экспорту – в 1,6 раза. Главными статьями импорта Великобритании и Германии в Турцию были железо и текстиль, в русском же импорте на первом месте стояли зерно, мука и нефть²⁷. Как отмечает специалист по османской истории, петербургский историк С.М. Иванов, Россия не являлась главенствующим экономическим партнером Турции, а зерновой импорт России в Турцию, в отличие от экспорта нефтепродуктов, не был стабильным²⁸. Ввоз русского зерна и муки играл второстепенную роль по отношению к хлебному импорту из европейских стран: так, если в начале 1890-х гг. доля русской продукции на мучном рынке в Константинополе составляла 25%, то к 1909 г. упала до 13%, т.е. почти вдвое²⁹. Другими словами, вероятные турецкие претензии на военно-стратегическое доминирование на Черном море носили в большей степени политический характер и лежали в плоскости интересов германских правящих кругов, которые уже в то время расценивали южные регионы России (Украину и Кавказ) с точки зрения сочетания зерна и нефти с геостратегическим плацдармом. Эта концепция сохранила свою актуальность и в последующие годы. Так, в 1938 г. украинский эмигрантский историк Михаил Антонович в предисловии к работе видного деятеля грузинской эмиграции в Германии Михаила Цулукидзе, посвященной Украине, отмечал, что ее независимость «имеет очень большое значение для всего Кавказа», а сам автор указывал, что после освобождения украинского народа от русского ига освобождение грядет и для всех кавказских народов³⁰. Впоследствии эти идеи будут рас-

²⁶ По курсу 1913 г. 1 турецкая лира стоила 8,54 рубля и около 17 марок. Источник таблицы: Emin A. Die Türkei. Gotha, 1918.

²⁷ Понафидин. Обзор русской торговли в Турции ... . С. 13-16, 18.

²⁸ Иванов С. Османская империя в мировой экономической системе. Вторая половина XIX – начало XX века. СПб., 2005. С. 247-249, 254.

²⁹ Там же. С. 253.

³⁰ Tsouloukidse M. Die Ukraine. Leipzig, 1939. P. 5, 99.

смагиваться в 1941 г. нацистским руководством перед началом кампании против СССР³¹.

Стоит также заметить, что на Великобританию и в немалой степени на Россию в торговом отношении была ориентирована и сама Германия: в 1913 г. германский экспорт в Великобританию составлял 14,2% от общего экспорта, а в Турцию – около 1%³². Импорт из России в Германию перед Первой мировой войной вырос в 2 раза (с 701,7 до 1 424,6 тыс. марок), экспорт в Россию также увеличился в 2 раза³³. При этом положительный баланс России в черноморских перевозках, ориентированных не только на Турцию, за десять лет (с 1900 по 1911 гг.) возрос более чем в 3 раза – с 172,5 млн рублей до 534,1 млн рублей³⁴, что не могло не вызывать раздражения в правящих кругах Германии, считавших, что русские торговые операции в Турции слишком «навязчивы»³⁵.

Как вспоминал адъютант Лимана фон Сандерса Карл Мюльманн, турки долгое время не решались объявить войну Антанте, на которую в целом были экономически ориентированы, по этому поводу даже происходили столкновения в кабинете министров³⁶. Известно, что единство отсутствовало и в младотурецком триумвирате, фактически управлявшем страной: прогермански ориентированному военному министру Энверу-паше противостоял сторонник Франции, морской министр Джемаль-паша. Кроме того, многие турецкие офицеры получили образование во Франции, были настроены антигермански и не разделяли последовательных шагов правительства в сторону сближения с немцами³⁷. Тем не менее, как подчеркивал видный турецкий публицист Ахмед Эмин, Турция, первоначально логично склонявшаяся к союзу с Великобританией, отошла от нее ввиду возросших англо-русских противоречий в отношении будущего Константинополя и черноморских проливов и окончательно вошла в орбиту Германии, которая уже давно наращивала в Турции свое присутствие³⁸. В итоге в сложившейся ситуации при непосредственном германском влиянии султан Мехмед Пятый в ноябре 1914 г. объявил войну странам Антанты.

Украина в германо-турецкой стратегии против России

Установление германского влияния в Турции совпало по времени с подъемом украинской националистической мысли. С 1890-х гг. в русской части Украины ста-

³¹ Ilnytkyj R. Deutschland und die Ukraine 1934–1945. München, 1958. Vol. 2. P. 17.

³² Jastrow I. Die handelspolitische Zukunft Deutschlands. Berlin, 1916. P. 13, 38.

³³ Remer. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen... . P. 87.

³⁴ Schmidt. Das Endziel Russlands. P. 60.

³⁵ Marré E. Die Türken und wir nach dem Kriege. Ein praktisches Wirtschaftsprogramm // Kriegspolitische Einzelschriften. Heft 11. Berlin, 1916. P. 34.

³⁶ Mühlmann K. Deutschland und die Türkei 1913-1914. Berlin, 1929. P. 65, 73.

³⁷ РГВА. Ф. 1280к. Оп. 2. Д. 31. Л. 57.

³⁸ Emin. Die Türkei. P. 66, 88.

ли появляться призывы к образованию государства украинцев «от Карпат до Кавказа». Их автором стал киевский студент Николай Михновский, впоследствии написавший брошюру *Независимая Украина*, опубликованную в австрийской Галиции. Царское правительство обвинялось националистами в лишении украинцев права на национальное самоопределение (в том числе непризнание статуса украинского языка как национального) и насильственную русификацию Украины для получения, как они впоследствии утверждали, постоянного свободного доступа к Черному морю. С экономической точки зрения Россия обвинялась в разграблении природных богатств Украины, присваивании себе основной прибыли от черноморской торговли путем «паразитического посредничества»³⁹ и установлении на украинской территории колониальной политики посредством намеренно пренебрежительного отношения к ряду отраслей хозяйства⁴⁰. Недавние события – вступление русских войск в Галицию в августе 1914 г. – сравнивались с нашествием гуннов и вандалов⁴¹. В ответ на это и русская, и польская критическая публицистика резко осуждала подобные заявления украинских националистов и сходилась во мнении, что юг Украины еще в XVIII в. был заселен крымскими татарами, и его колонизация началась только в XIX в.⁴², а вся украинская доктрина Германии – это не больше, чем «средство политической агитации»⁴³.

Нужно подчеркнуть, что Украина занимала превалирующее место в хозяйствовании южной России и играла значительную роль в экономике империи. На ее территории производилась такая экспортная продукция первостепенной важности, как зерно (германские публицисты подчеркивали, что украинский урожай составлял 60% общеимперского)⁴⁴, добывались руды и уголь. В 1910–1911 гг. украинские губернии производили 19,6 млн тонн зерна в год. Из них 4,9 млн тонн (т.е. порядка четверти урожая) через черноморские порты шло на экспорт, прежде всего, в Германию⁴⁵. Вывоз зерновых из причерноморских областей, составлявший в 1900 г. 3 587 630 тонн, к 1911 г. возрос до 9 651 230 тонн⁴⁶. Всего, по данным представителей украинского движения, вывоз с Украины в 4-9 раз превышал ввоз (причем 86% вывоза составляла сельхозпродукция), и якобы только это поддерживало положительный хозяйственный баланс империи⁴⁷. Как указывал американо-украинский экономист Константин Кононенко, Россия всегда боролась с экономической зависимостью от Украины, в том числе таким изощренным способом, как поддержание подушного экспорта зерна с Украины на уровне

³⁹ Daskaljuk O. Die Ukraine als Arbeitsfeld für Deutsche und deutsches Kapital. Berlin, 1922. P. 15.

⁴⁰ РГВА. Ф. 1513к. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁴¹ Вышевич К. Украинский вопрос, Россия и Антанга. Гельсингфорс, 1918. С. 11.

⁴² Die Ukraine. Ein Problem oder ein Phantom? Wien, 1918. P. 7-8.

⁴³ Ukrainische Phantasien. Wien, 1918. P. 3; Koutaissoff A. Ukraina. Copenhagen, 1918. P. 11.

⁴⁴ Schupp F. Die Ukraine, Deutschlands Brücke zum Morgenland // Die Ukraine. Kriegspolitische Einzelschriften. Heft 12. Berlin, 1916. P. 95.

⁴⁵ Remer. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen... . P. 89.

⁴⁶ Schmidt. Das Endziel Russlands. P. 63.

⁴⁷ РГВА. Ф. 1513к. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 4.

397 фунтов в год в отличие от русских 144 фунтов⁴⁸. Помимо этого, по данным на 1913 г., Украина давала 78,2% угля, 69,5% железной руды, 57,7% стали и 81,6% сахара-сырца общеимперского производства⁴⁹. Общий доход от украинской торговли и производства, по данным украинского экономиста О. Даскалюка, в 1913–1914 гг. исчислялся 700 млн золотых рублей и составлял 22% всех государственных доходов⁵⁰.

Таблица 3. Тоннаж грузоперевозок черноморских портов Украины в 1910 г., тонн⁵¹

Порт	Импорт	Экспорт
Одесса	566 743	1 736 029
Николаев	178 790	2 070 419
Херсон	104 693	844 919
Бердянск	28 693	416 451
Мариуполь	266 693	1 587 161
<u>Всего:</u>	<u>1 145 612</u>	<u>6 654 979</u>

Как следует из таблицы, на Черном море экспорт превышал импорт в 5,8 раза. В целом же южным путем шло порядка половины русского экспорта вообще, в том числе 74% хлебного вывоза⁵². В 1913 г. через Черное море шло более 11 млн тонн русского экспорта (для сравнения через Балтику – 5,85 млн тонн, а через Белое море – 1,5 млн тонн)⁵³. В немецкой справочной литературе Украина позиционировалась в этой связи как одна из главных стратегических целей Германии, в частности, как «зернохранилище России»⁵⁴, способное, кроме всего прочего, перекрыть России доступ к Черному морю⁵⁵; потеря Россией Донбасса сравнивалась с «уничтожением русской металлургической промышленности и транспортного потенциала»⁵⁶.

Тем не менее, представления Германии о спасительности украинского зерна для немецкой экономики были иллюзорными. В 1950-е гг. они подверглись критическому разбору К. Кононенко, на основе статистики доказавшим, что перед Первой мировой войной украинские урожаи вдвое уступали немецким по пшенице и ржи⁵⁷, тогда как показатели немецкой урожайности за четверть века

⁴⁸ Kononenko K. *Ukraine and Russia: A History of the Economic Relations between Ukraine and Russia, 1654-1917*. Milwaukee, 1958. P. 24, 51.

⁴⁹ Remer. *Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen ...* P. 91.

⁵⁰ Daskaljuk. *Die Ukraine als Arbeitsfeld für Deutsche und deutsches Kapital*. P. 9.

⁵¹ *The Ukraine. Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office*. L., 1920.

⁵² Капчев Г. *Турецкое наследство и мировая война*. Стокгольм, 1917. С. 102.

⁵³ Там же. С. 103.

⁵⁴ Frech-Breslau F. *Die Bedeutung der Ukraine für den Weltkrieg*. München, 1917. P. 63.

⁵⁵ Kjellén. *Die politischen Probleme des Weltkrieges*. P. 69.

⁵⁶ Frech-Breslau. *Die Bedeutung der Ukraine für den Weltkrieg*. P. 7, 19.

⁵⁷ Kononenko. *Ukraine and Russia ...* P. XII, XIV.

(1886-1913) выросли по пшенице на 66, а по ржи на 63 %⁵⁸. Более того, согласно последним российским исследованиям, в аналогичный период времени собственно русские губернии заметно увеличивали экспорт хлеба: если в 1896 г. он составлял 7,3 млн. тонн, то к 1913 г. он увеличился до 11,1 млн. тонн, что более чем вдвое превышало украинский хлебный экспорт⁵⁹. Наряду с этим стоит отметить, что во внутренние губернии России поступало только 15% всего украинского зерна⁶⁰, да и сами украинские губернии, по мнению украинских же специалистов того времени, экономически не выделялись из общего аграрного склада России⁶¹.

Несмотря на это, по словам Ремера, если изначально «интересы определенных кругов кайзеровской Германии в отношении Украины едва ли декларировались как государственная политика», то в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и уже в ходе боевых действий для ослабления европейских позиций России было решено обратиться к поддержке различных революционных и сепаратистских групп и движений, то есть фактически к созданию в России «пятой колонны», что «автоматически означало поворот к проукраинской политике»⁶².

Не подлежит сомнению то, что интересы Турции на Черном море в этой связи в значительной степени следовали в фарватере германской политики. Украина как таковая не интересовала и, по большому счету, не могла интересовать Порту, как ввиду экономических особенностей, так и в силу политической слабости османского государства. Тем не менее, появление в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе подконтрольного Германии буферного государства, простиравшегося от Дуная до Терека, могло потенциально облегчить турецкую экспансию в русское Закавказье, которая занимала умы турецкого руководства и ставку на которую делали как политики в Константинополе и Берлине, так и располагавшиеся в Германии кавказские эмигрантские организации. Так, к примеру, один из лидеров Комитета за независимость Грузии, Михаил Церетели, писал, что «турки могут думать об овладении Кавказом только после оккупации Грузии»⁶³.

С другой стороны, мусульмане Кавказа, как отмечал заметный немецкий востоковед того времени Карл Генрих Беккер, видели в Турции «свою последнюю надежду»⁶⁴. Его коллега, Георг Кампфмайер, писал в начале 1915 г., что для Турции лежит «в пределах достижимой возможности при поддержке мусульманских народов Кавказа вторгнуться в южную Россию», а оттуда начать марш в сторону Украины⁶⁵. Речь заходила даже об оккупации Украины турецкими войсками⁶⁶.

---

⁵⁸ von Rümker K. Mit Schwert und Pflug // Der deutsche Krieg. Heft 47. Stuttgart-Berlin, 1915. P. 17.

⁵⁹ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795-2007. М., 2009. С. 116.

⁶⁰ Михутина И. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 56.

⁶¹ Там же. С. 55.

⁶² Remer. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen... P. 59.

⁶³ Tseretheli M. Georgien und der Weltkrieg. Potsdam, 1915. P. 10, 48.

⁶⁴ Becker. Deutschland und der Islam. P. 17.

⁶⁵ Kampfmeier G. Deutschland im Bunde mit dem Islam und die Aussichten des gemeinsamen Kampfes gegen England und Rußland / Die Vernichtung der englischen Weltmacht und des russischen Zarismus durch den Dreibund und den Islam. Berlin, 1915. P. 46f.

⁶⁶ Ibid. P. 47.

Эта мысль была подхвачена немецкой публицистикой и увязана с геополитическими реалиями, в результате чего появился тезис о том, что «усиление исламской мысли и ослабление России в нынешней войне приведут к тому, что Турция отвоюет утраченные ранее в пользу России области с преобладающим мусульманским населением» (здесь имелся в виду, прежде всего, Кавказ), а также «восточное и северное побережье Черного моря»⁶⁷. В дальнейшем планировалось, что Турция станет ведущей религиозно-политической силой для Персии, русского Туркестана и Индии⁶⁸. Не отставала и мусульманская пропаганда: базировавшийся в Германии Комитет за независимость Туниса описывал Турцию как «прочную стену», создавшую «фронт между Европой, Азией и Африкой», который «миллионы вражеских солдат сдерживает, сотни тысяч из них уничтожил»⁶⁹. По согласованию с турецким послом в Австро-Венгрии Хусейном Хильми-пашой и начальником разведывательного отдела турецкого Генштаба Зейфи-беем австрийские военные под руководством ротмистра фон Вальцеля готовили воззвания для мусульман –военнослужащих русской армии⁷⁰.

Тем не менее, германское руководство, достаточно спокойно настроенное к таким высказываниям, при поддержке Австро-Венгрии фактически вело двойную игру и с амбициями османского правительства, надеявшегося на территориальные приращения, и с чаяниями украинских националистов, жаждавших собственной государственности.

В итоге в этой, казалось бы, трудно разрешимой ситуации Германия сумела найти консенсус между двумя этими силами. С одной стороны, она уверила Турцию в том, что появление на карте Европы независимой (по факту скорее квазинезависимой) Украины, хотя и имеет для турок весьма отдаленное в стратегическом отношении преимущество, тем не менее, может в краткосрочной перспективе положительно повлиять на баланс сил в черноморском пространстве. Для турецкого руководства в целом это была положительная новость, так как его пугала «возможность демарша в сторону Константинополя союзников-болгар»⁷¹. Как результат, турецкий 15-ый армейский корпус генерал-майора Якуба Шевки-паши с августа 1916 г. вместе с австро-германскими войсками участвовал в боевых действиях против русских войск на Западной Украине⁷², а в турецкой прессе стали появляться пассажи о Черном море как месте боевой славы Турции⁷³.

С другой стороны, вскоре на этой почве в Турции развернулась деятельность Союза освобождения Украины (СОУ) – претендовавшей на наибольшую значи-

---

⁶⁷ Trietsch D. Der Aufstieg des Islam. Berlin, 1915. P. 12.

⁶⁸ Ibid. P. 15, 17; Grothe. Deutschland, die Türkei und der Islam. P. 37f.

⁶⁹ Scherif S., Sefaihi I. Tunesien und Algerien. Berlin, 1916. P. 8.

⁷⁰ Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 134.

⁷¹ Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. 1: Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien, 1975. P. 115.

⁷² Großer Bilder-Atlas des Weltkrieges. Die Ostfront 1916. Lfg. 22. München, 1917. P. 74. Mühlmann K. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940. P. 341.

⁷³ Die Verteidigung. 1915. № 97-98. P. 109.

мость украинской националистической организации, созданной под эгидой Австро-Венгрии и Германии. Уже вскоре после начала Первой мировой войны СОУ выпустил в Вене *Обращение к турецкому народу*, в котором «призвал турецкую державу совместно добиваться разгрома России и возвращения ее к этнографическим границам»⁷⁴, а затем и брошюру «Солдат!»⁷⁵, предназначенную для популяризации идеи независимой Украины среди военнослужащих османской армии. В Константинополе появились эмиссары СОУ – Л. Цегельский, С. Баран, А. Жук, М. Меленевский. Последний возглавил основанное за счет австрийских властей представительство СОУ в Турции, завел знакомства в германских дипломатических кругах⁷⁶ и, по сообщениям русской разведки, стремился распространить деятельность СОУ из Константинополя на весь Балканский полуостров, опираясь на спецслужбы Центральных держав, у которых уже был опыт организации побегов офицеров и отправки в Россию шпионов через консульства нейтральных держав⁷⁷. В частности, предполагалось вести подрывную работу через австрийское разведывательное бюро полковника Дзинковского в нейтральном на тот момент Бухаресте⁷⁸.

Деятельность украинских интеллектуалов, тем не менее, развивалась скорее в плоскости пропаганды и информационного обеспечения украинского национального движения, нежели в области реальной политики. Так, переговоры украинских националистов с Энвер-пашой и заявление Талаат-паши, министра внутренних дел и одного из трех фактических руководителей Турции, от 24 ноября 1914 г. о необходимости освобождения русской части Украины⁷⁹, впоследствии рассматривалось некоторыми украинскими историками как значительное достижение СОУ в Турции и признак того, что у Порты наступило «реальное понимание украинского вопроса и его значения для Турции»⁸⁰. На самом деле, это в целом демагогичное высказывание последовало после того, как министр иностранных дел Австро-Венгрии Леопольд фон Берхтольд в начале ноября 1914 г. через посла Паллавичини уведомил турецкое правительство о том, что образование независимой Украины в случае победы Центральных держав является одной из политических целей Германии⁸¹.

⁷⁴ Головченко В., Солдатенко В. Українське питання в роки Першої Світової Війни. Київ, 2009. Р. 56.

⁷⁵ Asker! Konstantiniyye, 1914.

⁷⁶ Головченко, Солдатенко. Українське питання в роки Першої Світової Війни. Р. 58, 63.

⁷⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 86. Л. 4.

⁷⁸ Там же. Д. 287. Л. 3-4.

⁷⁹ Патер І. Дипломатично-інформаційна діяльність Союзу Визволення України (1914–1918 рр.) / Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Вип. ІХ. Київ, 2005. Р. 258.

⁸⁰ Дашкевич Я. Турецько-українські взаємовідносини в першій половині XX століття // Україна. Наука і культура. 2009. № 35. Р. 66; Украинская государственность в XX веке. Киев, 1996. С. 10.

⁸¹ Каменецький І. Німецька політика супроти України в 1918-му році та її історична генеза // Український історик. 1968. № 1-4. Р. 12.

Переговоры с турками на время стали темой номер один не только в аффилированной с СОУ прессе, но и вообще у украинских авторов в Австрии⁸². На первых полосах писалось об «остром дипломатическом чутье» турецкого руководства, которое точно позволяло ему определить, на чьей стороне выступить в начавшейся войне⁸³. Россия же именовалась «злым демоном», несшим самую большую часть ответственности за «кровавый пожар на Балканах», где Турция понесла территориальные потери⁸⁴. Внимание восторженно заострялось на мелких и несущественных деталях: на том, как турецкие солдаты кричали «Украина – наш брат!»⁸⁵, едва ли разбираясь в вопросах ее будущей государственности, на выступлении по украинскому вопросу неназванного депутата в турецком парламенте⁸⁶, на высказываниях неизвестного кубанского казачьего офицера «о русском рабстве»⁸⁷.

Одновременно с этим в Константинополе продолжался выпуск украинской пропагандистской продукции (так, к примеру, в 1915 г. вышла брошюра Л. Цегельского *Украина, Россия и Турция*⁸⁸), озвучивались мысли о том, что только Украина может защитить черноморские проливы и железную дорогу Берлин-Багдад⁸⁹. Порой в украинских публикациях появлялись и противоречивые пассажи: с одной стороны, о Турции как защитнице Украины от вторжения Москвы⁹⁰, с другой – об Украине как «защитном вале» Турции против России⁹¹. Турки назывались потомками населения Византии, представителями «древней константинопольской расы»⁹², при этом одновременно наследницей Византии объявлялась Россия⁹³.

Информационная шумиха вокруг Украины была, по-видимому, напрямую связана с морским рейдом турецкого флота на черноморские порты России (16 октября 1914 г.) и открытием турецкими войсками боевых действий на Кавказе (19 октября 1914 г.). В этой же связи еще в конце октября 1914 г. турецкая газета *Тасфир-и-Эфкиар* опубликовала материал, в котором говорилось, что «образование украинского государства будет весомой услугой миру и человечности»⁹⁴. Другая газета, *Младотурок*, писала 6 ноября 1914 г., что «образование нероссийского

⁸² Puluş I. Ukraine und die Türkei // Bohemia. 1914. № 322; Donzow D. Die Ukraine und die Türkei // Ukrainische Rundschau. 1915. № 1.

⁸³ Ukrainisches Korrespondenzblatt. 1914. № 8. P. 1.

⁸⁴ Ibid. 1914. № 12. P. 1.

⁸⁵ Ukrainische Nachrichten. 1915. № 15. P. 2.

⁸⁶ Ibid. 1915. № 16. P. 8.

⁸⁷ Ibid. 1915. № 19. P. 5.

⁸⁸ Ukrayna, Rusya, Türkiye: makaleler mecmuası. Konstantiniyye, 1915.

⁸⁹ Cehelskyj L. Die großen politischen Aufgaben des Krieges im Osten und die ukrainische Frage. Berlin, 1915. P. 7.

⁹⁰ Donzow D. Die ukrainische Staatsidee und der Krieg gegen Rußland. Berlin, 1915. P. 19.

⁹¹ Cehelskyj L. Die Ukraine und die Türkei / Der Krieg, die Ukraine und die Balkanstaaten. Wien, 1915. P. 40.

⁹² Ukrainisches Korrespondenzblatt. 1914. № 10. P. 1.

⁹³ Schmidt. Die russische Sphinx // Der deutsche Krieg. Heft 6. Stuttgart-Berlin, 1914. P. 5-6.

⁹⁴ Цит. по: Украинская государственность в XX веке. С. 213.

славянского государства освободило бы Турцию от политики интриг и капризов русского царства, которое стремится к тому, чтобы завладеть Константинополем и морскими проливами»⁹⁵. В данных публикациях легко угадываются концепции германских экспертов и веяния германской дипломатии, на основе которых в свое время были выведены и внешнеполитические тезисы украинских националистов. К тому же не стоит упускать из внимания и тот факт, что еще в сентябре 1914 г. десять константинопольских газет получили от германского посла Ханса фон Вангенхайма в общей сложности 1000 турецких лир⁹⁶. Также известно, что при помощи турецкой разведки, которую возглавлял германский подполковник Товене, должна была происходить контрабанда пропагандистских материалов в украинские губернии России⁹⁷.

В публикациях СОУ неоднократно отмечалось, что, хотя «Украину и Турцию не всегда связывали хорошие отношения, но по мере усиления борьбы украинцев с поляками и Москвой они улучшались»⁹⁸. Турецкое правительство старалось извлечь собственную выгоду из этих «хороших отношений»: существуют сведения, что Турция при поддержке Германии хотела развернуть базы подводных лодок в Батуме и Поти⁹⁹, а также готовила восстание на Кубани (для чего в октябре 1914 г. морем планировалось переправить партию оружия в Туапсе¹⁰⁰) и в районе Одессы, при этом Меленевский имел договоренность с Энвером-пашой о возможности участия в акции украинских добровольцев, «чья деятельность распространялась также и на организацию восстания на российском Черноморском флоте»¹⁰¹, и завербованных военнопленных русских матросов¹⁰². Данная операция, однако, не была осуществлена из-за ряда причин: во-первых, к началу декабря 1914 г. не было подготовлено достаточного украинского контингента для десантирования, тем более что, по собственному признанию представителей СОУ, у населения Кубани отсутствовало развитое украинское национальное самосознание, и поддержанных турецкими войсками украинцев они стали бы рассматривать как оккупантов, а во-вторых, ввиду ошутимых поражений, нанесенных Турции русскими войсками в ходе зимней кампании 1914–1915 гг. и перехвате Россией стратегической инициативы¹⁰³. Прекращение поступления русского хлеба с Украины привело к подорожанию хлеба в Турции с начала войны до

---

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 30. Л. 16-17, 68.

⁹⁶ Bihl. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte ... . P. 51.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 30. Л. 25; Дашкевич. Турецько-українські взаємовідносини в першій половині ХХ століття. Р. 65; Ронге. Разведка и контрразведка. С. 138.

⁹⁸ Donzow. Die ukrainische Staatsidee ... . P. 36-37.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 252. Л. 4.

¹⁰⁰ Bihl. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte ... . P. 57.

¹⁰¹ Украинская государственность в ХХ веке. С. 213; Головченко, Солдатенко. Українське питання в роки Першої Світової Війни. Р. 63.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 287. Л. 3.

¹⁰³ Украинская государственность в ХХ веке. С. 214; Головченко, Солдатенко. Українське питання в роки Першої Світової Війни. Р. 64.

момента заключения мирного договора с Украиной (март 1918 г.) в 24 раза¹⁰⁴ и введению уже в 1917 г. хлебных карточек¹⁰⁵. Общее тяжелое положение даже подтолкнуло турецкое руководство к началу переговоров с Антантой о сепаратном мире в мае того же года¹⁰⁶.

Практическая деятельность самого Меленевского, то и дело сообщавшего в Вену о своих широких связях с русскими революционерами на Украине и просившего субсидий для поддержки своих начинаний, ничем не подтверждалась: переговоры с турецким руководством о посылке на Кубань турецкого корпуса так и остались на словах, а из сотни отобранных для десанта военнопленных согласились лишь трое¹⁰⁷. Другой представитель СОУ, Николай Зализняк, получивший от австрийских и германских представителей в общей сложности 450 тыс. австрийских крон на нужды украинских подпольщиков, сам впоследствии вспоминал, что организуемые им на румыно-русской границе мероприятия фактически не имели точных адресатов¹⁰⁸. Вероятно, что именно неумелое содействие СОУ турецким спецслужбам на одесском направлении привело к провалу турецкого резидента в Одессе Мустафы Закерии¹⁰⁹. Дошло до того, что А. Жуку осенью 1915 г. пришлось буквально оправдываться со страниц *Вестника СОУ* за плохую работу своих сотрудников¹¹⁰.

Таким образом, деятельность СОУ в Турции, неоднократно подававшаяся в украинских публикациях разного времени как значительный успех украинского движения и даже получавшая отклик у германских интеллектуалов¹¹¹, к началу 1915 г. фактически потерпела фиаско, что обусловило уже в середине того же года охлаждение отношений австрийского правительства к СОУ, а впоследствии и ревизию финансов, отпускаявшихся на его функционирование.

При этом нельзя не отметить, что консервативные германские эксперты и публицисты не поддерживали идею создания независимой Украины единогласно. Так, Карл фон Винтерштеттен, один из идеологов теории так называемой «Средней Европы», считал, что отделение Украины от России не даст Германии никаких ощутимых перспектив, так как невозможно будет организовать на ее территории самостоятельную государственность. Также, по мнению эксперта, буферные славянские государства сами по себе являются источником «вечного беспокорства»¹¹². На фоне массива пропагандистской продукции, акцентировавшей внимание на тесных отношениях Украины и Турции, выделяется брошюра «Ук-

¹⁰⁴ Emin. Turkey in the World War. New Heaven-L., 1930. P. 147.

¹⁰⁵ Bihl. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte ... P. 202.

¹⁰⁶ Ронге. Разведка и контрразведка. С. 267.

¹⁰⁷ Михутина. Украинский вопрос в России ... С. 173-176.

¹⁰⁸ Михутина. Украинский вопрос в России ... С. 178.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 86. Л. 4.

¹¹⁰ Вістник Союзу Визволення України. 1915. Ч. 37-38. Р. 2.

¹¹¹ Kampffmeyer. Deutschland im Bunde mit dem Islam ... P. 46.

¹¹² von Winterstetten K. Nordkap-Bagdad. Das politische Programm des Krieges. Frankfurt-am-Main, 1914. P. 6, 8.

раина и ее отношения с Османской империей» Рудольфа Штюбе¹¹³, ученика Михаила Грушевского, лидера и центральной фигуры украинского национального движения. По словам Штюбе, Украина всегда находилась на «периферии османской истории»¹¹⁴, а украинско-турецкие отношения, будь то договора украинских гетманов с султаном или образование бывшими запорожскими казаками на турецкой территории Задунайской Сечи, представляли собой метания Украины между Турцией и «бескультурными московитами», причем избавление от давления одной стороны автоматически означало попадание в вассальную зависимость к другой¹¹⁵.

Поражение украинской стратегии

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении 1915–1916 гг. как германская, так и общая германо-турецкая стратегия относительно Украины не оставались статичными, неоднократно меняясь. Основным фактором этих изменений, что представляется в данном контексте критичным, становился не украинский вопрос, как полагали украинские националисты, а миро-политическая стратегия и военные задачи Германии.

Предлагались самые различные сценарии будущего украинских земель: так, в августе 1915 г. от деятелей СОУ К. Левицкого, Е. Олесницкого и Л. Цегельского поступило предложение разукрупнить Австрию за счет присоединения российских губерний, населенных украинцами, создав тем самым отдельную провинцию¹¹⁶. Германские промышленные круги, отходя от первоначального согласия с концепцией независимой Украины, допускали возможность вообще оставить ее в составе России, просто создав на ее территории эксклюзивные условия для германского капитала¹¹⁷. Значительное место, благодаря публицистике, заняла концепция превращения Украины и Кавказа в своеобразный «мост», позволявший в свете германо-турецкого союза обеспечить Турции «беспрепятственный доступ к Черному морю» и организовать для держав-союзниц мощнейший плацдарм для движения на Восток, что позволит одновременно создать угрозу британским колониям и подорвать могущество России¹¹⁸. Столь далеко идущие планы, тем не менее, не внесли ясности в намерения Германии, главной движущей силы Четвертого союза, относительно украинской государственности, и спектр мер про-

---

¹¹³ Stübe R. Die Ukraine und ihre Beziehungen zum osmanischen Reiche // Schriftensammlung des Deutschen Vorderasienkomitees. Heft 11. Leipzig, 1915.

¹¹⁴ Ibid. P. 3.

¹¹⁵ Ibid. P. 4, 15-18.

¹¹⁶ Каменецький. Німецька політика супроти України в 1918-му році та її історична генеза. Р. 12.

¹¹⁷ Remer. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen... P. 182.

¹¹⁸ Schupp. Die Ukraine ... P. 101; zu Reventlow E. Indien, seine Bedeutung für Großbritannien, Deutschland und die Zukunft der Welt. Berlin, 1917. P. 20-22.

стирался от создания марионеточного государства до образования украинизированного края под германским протекторатом. Что интересно, украинской стратегией руководила преимущественно Германия (при участии Австро-Венгрии), тогда как Турция оставалась на периферии и сама становилась ареной германского геостратегического планирования.

Своеобразной вехой в германо-турецкой стратегии относительно Украины стали октябрьские революционные события 1917 года. После прихода к власти большевиков и заключения Советом народных комиссаров РСФСР перемирия со странами Четверного союза в ноябре 1917 г. образованная еще летом того же года Украинская народная республика (УНР) в январе 1918 г. объявила о своей независимости и сама начала переговоры с Центральными державами, завершившиеся подписанием в ночь с 8 на 9 февраля 1918 г. мирного договора с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Образование независимого украинского национального государства в качестве буферного образования изначально было выгодно Германии и Австро-Венгрии, однако вскоре стало ясно, что они не могут инкорпорировать в свой состав территорию, населенную десятками миллионов славян. У представителей украинского движения тоже не было единства мнений: националисты настаивали на том, что реально ослабить Россию может только полное отделение от нее Украины, которой «Россия была обязана своим положением в первую очередь»¹¹⁹, социалисты выступали за федерацию с Россией.

Вместе с тем, нужно отметить, что весной 1918 г. на Украине не было предпосылок для самостоятельного развития по двум главным причинам: во-первых, отсутствия сплоченности и четкой идеологии у представителей украинского движения, во-вторых – из-за истощения в условиях затяжной войны и нараставшего внутреннего напряжения гарантов ее независимости – Германии и Австро-Венгрии. С одной стороны, как в стратегическом, так и в политическом плане Центральным державам было гораздо выгоднее оставить федеративную или полунезависимую Украину в составе Российского государства (как это предлагал в свое время глава Центральной Рады Михаил Грушевский); с другой стороны, «без протектората нероссийской силы независимая Украина была бы не в состоянии противостоять России или имела бы тенденцию к превращению в радикально-социалистическую республику»¹²⁰, что стало бы поражением всей украинской доктрины Германии. По сему со временем Украина стала рассматриваться скорее с экономической, нежели с политической точки зрения. Так, 29 апреля 1918 г. на территории УНР была установлена полностью зависимая от австро-германской оккупационной администрации Украинская держава, которая прекратила свое существование вскоре после поражения стран Четверного союза в Первой мировой войне.

---

¹¹⁹ Guenther K. Die Ukrainer. Berlin, 1915. P. 16.

¹²⁰ Украинская государственность в XX веке. С. 227 и сл.

Итак, подводя итог вышесказанному, необходимо остановиться на нескольких основных пунктах. Во-первых, если проследить динамику изменения восприятия Германией идеи независимой Украины, то можно заметить, что с ней не только перекликается, но и порой прямо совпадает аналогичная турецкая динамика. Не будучи в значительной степени экономически ориентированной на черноморский регион, Турция в политическом смысле фактически действовала в интересах Германии, и даже последовавшая в мае-сентябре 1918 г. турецкая оккупация некоторых регионов Закавказья была не столько осуществлением геополитических амбиций Порты, сколько частью стратегии германского Генштаба, воспользовавшегося идеями о пантюркском пространстве от Крыма до китайской границы и посредством пропаганды подогревавшего опасения Порты в том, что «целью всей русской захватнической политики» является доступ к черноморским проливам¹²¹.

Во-вторых, как уже говорилось выше, идея Германии «убить одним выстрелом двух зайцев», нанеся двойной удар по России, якобы стремящейся установить свою гегемонию на Черном море, и Великобритании, якобы отдавшей ей черноморские проливы, чтобы обезопасить собственные интересы в Азии¹²², заранее подготовила и Турции, и (потенциально) независимой Украине участь единого, грандиозного по площади и насыщенности ресурсами плацдарма, с которого Германия планировала совершить бросок сначала на Ближний Восток, а оттуда – в Центральную Азию и Индию. По этому поводу в июне 1918 г. командующий 2-ой австрийской армией на Украине генерал Альфред Краусс сообщал министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Иштвану Буриану, что, захватив Украину, немцы хотят обеспечить себе путь на Ближний Восток и намереваются через Киев и Екатеринослав соединиться с Батумом и Трапезундом¹²³. Шумно отмечалось и прибытие в Киев 13 сентября того же года турецкого посольства во главе с Ахмедом Мухтар-беем¹²⁴.

Первоначально планировалось, что этот плацдарм будет сочетать в себе как геополитическую, так и экономическую составляющие¹²⁵. При этом для предотвращения дисбаланса между этими направлениями Украина именовалась в германской печати «мостом на Восток», а для Турции кайзеровские эксперты подготавливали разноплановую программу развития сельского хозяйства и форсированной индустриализации¹²⁶. Подобная схема вела по сути к дублированию украинского и турецкого плацдармов, которые при желании можно было объединить, или же, в сложившейся конъюнктуре, воспользоваться одним из них. Не секрет,

---

¹²¹ Pohle R. Rußlands Ländergier // Die russische Gefahr. Beiträge und Urkunde. Heft 1. Stuttgart, 1916. P. 25.

¹²² Vèla. Die Zukunft der Türkei im Bündnis mit Deutschland ... . P. 23, 30.

¹²³ Die deutsche Okkupation der Ukraine: Geheimdokumente. Strasbourg, 1937. P. 79.

¹²⁴ Вістник політики, літератури й життя. 1918. Ч. 39. P. 535-536.

¹²⁵ Donzow. Die ukrainische Staatsidee... . P. 57-60; Marré. Die Türken und wir nach dem Kriege ... . P. 10, 12.

¹²⁶ Hertl G. Die Industrialisierung der Türkei / Geld, Industrialisierung und Petroleumschätze der Türkei. Berlin, 1918. P. 72.

что помимо украинских, Германия активно присматривалась и к турецким углю и зерну¹²⁷.

Тем не менее, в силу ряда причин эта концепция в дальнейшем поменялась – произошло разделение на геополитическое (турецкое) и экономическо-сырьевое (украинское) направления, судьба которых должна была решиться уже после завершения войны. В данном случае – и это важно отметить – сложное балансирование германского руководства между интересами Турции и украинского национального движения, затраченные средства и усилия в целом оправдали себя, и их не удалось довершить из-за истощения Германии в ходе боевых действий, тогда как политические игры Порты и СОУ на практике ни к чему не привели, поскольку они, по большому счету, были лишь фигурами в восточной политике Германии. Претендуя на исключительное представление интересов будущей Украины, украинские националисты, ведя шумную пропагандистскую кампанию в Европе, включились в, как им казалось, самостоятельный политический дискурс вместе с османским правительством, который на деле не выходил за границы предусмотренного для него Германией поля и в конечном итоге логично свелся к политической демагогии.

В-третьих, что касается, собственно, украинского движения, то его представители, по мнению британских экспертов, «сделали прогресс только в одном направлении – образовании узкой прослойки интеллигенции», которая, тем не менее, не приняла во внимание и тот факт, что «слишком большой, прежде всего, культурный разрыв между различными украинскими регионами не позволял рассматривать уроженцев разных регионов как единую нацию, как ее понимали интеллигенты», и то, что «большая часть населения склонна не к национализму, а к социализму»¹²⁸. Польские авторы того времени сравнивали активистов украинского движения со школьниками, рисующими фантастические карты несуществующих государств, и так же подчеркивали, что «всякое использование украинцев против России абсурдно», поскольку главными действующими лицами движения являются интеллектуалы, а широкие народные массы в политическом отношении апатичны¹²⁹. Попытка представить активистов СОУ независимыми политиками со стороны некоторых историков выглядит несостоятельной в свете государственного дотирования деятельности Союза со стороны австрийского и германского правительств – есть данные, что в 1915–1917 гг. СОУ получил на развитие своей деятельности около 1 млн германских марок¹³⁰, а сама идея создания на территории Украины конституционной монархии под австро-германской эгидой была негативно воспринята украинскими социалистами. Макс Ронге, возглавлявший в 1917–1918 гг. Разведывательное бюро австрийского Генштаба, упоминая в

¹²⁷ Frech F., Hanig A., Sack A. Die Grundlagen türkischer Wirtschaftsverjüngung. Berlin, 1916. P. 72, 156-157.

¹²⁸ The Ukraine. Handbook ... P. 54.

¹²⁹ Ukrainische Phantasien. P. 1, 7.

¹³⁰ Кулінич І. Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914 pp.). Київ, 1963. P. 67.

своих мемуарах о деятельности СОУ, сомневался, имели ли активист данной организации Меленевский и другие его соратники «вообще какую-либо связь на Украине»¹³¹.

Турции же, в течение трех лет ведшей войну на пяти направлениях и одновременно в той или иной степени поддерживавшей украинских националистов, в том числе учитывая коррективы германского курса относительно украинской государственности, не нашлось места в украинской стратегии, которая целиком велась Германией. Кроме того, следует заметить, что экономико-политическая ориентация турецких правящих кругов на Германию в ущерб отношениям с Великобританией и Россией с самого начала была ошибочной и даже авантюрной, а эфемерная выгода от поддержки украинского шовинизма ни при каком раскладе сил не покрыла бы затраченные силы и издержки и не принесла бы желаемого результата, так как шовинизм этот финансировался той же Германией. Таким образом, можно говорить об украинской стратегии Турции только как об одном из ответвлений общей германской стратегии противодействия странам Антанты, а конкретно – России и Великобритании.

---

¹³¹ Ронге. Разведка и контрразведка. С. 100.